

Young & Free

ЭНН КЕССИДИ

Девочки-
матильды

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К36

Anne Cassidy
MOTH GIRLS

Text copyright © Anne Cassidy 2016

Перевод с английского *Ольги Медведь*

Художественное оформление серии
Петра Петрова

Кессиди, Энн.

К36 Девочки-мотыльки : [роман] / Энн Кессиди ;
[пер. с англ. О. М. Медведь]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2018. — 288 с. — (Young & Free).

ISBN 978-5-04-093298-6

За день до назначенной даты сноса дома на Принсес-стрит Мэнди Кристал стояла у забора из проволочной сетки и внимательно разглядывала строение. Она не впервые смотрела в окна этого мрачного дома. Пять лет назад ей пришлось прийти сюда: тогда пропали ее подруги – двенадцатилетние Петра и Тина.

Их называли девочками-мотылками. Они, словно завороченные, были притянуты к этому заброшенному особняку, в котором, по слухам, произошло нечто совершенно ужасное. А потом и они исчезли!

И память о том дне, когда Мэнди лишилась подруг, беспокоит ее до сих пор. Что же тогда произошло и куда делись девочки-мотыльки?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Медведь О., перевод на русский
язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093298-6

*Посвящается
моей сестре Сэм Мори*

До своей смерти девочки-мотыльки
были лучшими подругами.

Часть первая

Настоящее

МЭНДИ

Глава 1

За день до назначенной даты сноса дома на Принсесс-стрит Мэнди Кристал стояла у забора из проволочной сетки и внимательно разглядывала строение, подергивая кулон на своей шее. Окна и входную дверь сняли, и можно было разглядеть затененный интерьер. Мэнди не впервые смотрела в окна этого дома. Даже когда в нем кто-то жил, внутри было темно и мрачно.

А после убийства это место в основном пустовало.

Само здание — кирпичи, цемент — выглядело крепким, способным простоять еще сотню лет. Но завтра его сровняют с землей. Дом заменят многоквартиркой, и жизнь продолжится, словно ничего плохого здесь и не произошло.

Мэнди сбросила на землю сумку, от которой ныло плечо. Вокруг ног закружились листья. Она наступила на них и почувствовала, как те захрустели от сухости. Темнело, и небо потихоньку окрашивалось в синий. Осеннее солнце

уже скрылось, оставив после себя розовые полосы.

Вздохнув, Мэнди собралась было уйти, как вдруг что-то привлекло ее внимание. Она повернулась и заметила два красных диска, парящих в воздухе возле крыши. Присмотрелась повнимательнее — яркие красные круги виляли то в одну сторону, то в другую.

Это была пара красных гелиевых шаров, связанных лентой. Мэнди осмотрелась, но вокруг никого не было. Интересно, ускользнули ли эти шары из руки ребенка или отвязались от входной двери чужого дома? А затем взмыли вверх и зацепились за водосточную трубу. Мэнди вглядывалась в них, пока силуэты не размылись и не стали напоминать развевающиеся на ветру маки.

Внезапно в кармане пиликнул телефон, напугав ее. Она достала его, полагая, что пришла эсэмэска от ее друга Томми Элиота. *Надеясь*, что это от него. Но на экране было написано «Мама». Она расстроилась. Томми сказал, что встретит ее после школы, но так и не пришел. Она больше получаса ждала его в общей комнате. Девушка открыла сообщение.

«Не забудь о приеме у доктора. xxx»

Мэнди не забыла. Она спешно засунула телефон в карман и снова посмотрела на дом. Ей показалось, что красные шары дернулись.

Почти всю неделю здесь суетились рабочие. Мэнди почему-то каждый раз останавливалась

на этом месте по пути в школу и обратно. Она стояла и наблюдала, как рабочие выносили каминные плиты и плитку и витражные стекла, чтобы потом перепродать. Как в кузов грузовика складывали перила и двери. Как шаг за шагом снимали черепицу, выставляя напоказ деревянные балки. Дом обнажался, пока не превратился в голый каркас.

Он выглядел мертвым.

Пять лет назад после убийства его огородили желтой лентой и всю улицу оцепили полицейскими машинами. За этим Мэнди тоже наблюдала, стоя на противоположной стороне улицы с местной ребятней. Мама разозлилась на нее и отослала домой. Сказала, что случившееся отвратительно, особенно когда полиция начала перекапывать задний двор. Но Мэнди не могла уйти.

И теперь она снова была здесь. Томми предложил ей сменить школьный маршрут. Неплохой вариант. Можно было бы ходить мимо новой застройки и череды магазинов, что вели к станции метро. На это ушло бы чуть больше времени, но она бы вычеркнула этот дом из своей повседневной жизни. Зазвучал рингтон, из кармана доносились тихая трель.

Она достала телефон и увидела на экране имя Томми. Улыбнулась, но не ответила. Лучше сделать вид, будто занята. Пусть он думает, что ей есть чем заняться, куда пойти и с кем встретиться.

Мэнди не хотела, чтобы он знал, где она сейчас.

Она взглянула напоследок на красные шарики, растягивающиеся на ветру, и подумала о Петре и Тине. После чего направилась к доктору.

Глава 2

Доктор Шукла получила результаты анализов Мэнди. Тихонько мыча себе под нос, она смотрела на экран компьютера и что-то печатала. Ее очки в форме полумесяца сползли на кончик носа.

— Кровь в норме.

Мэнди сидела на краешке стула. Кабинет был совсем маленьким, почти все место занимали рабочий стол и кушетка для осмотра. Тишину нарушали лишь постукивания по клавиатуре.

— Так, что еще? Моча в норме, — сказала доктор Шукла деловым тоном.

На стенах кабинета висели известные картины. Мэнди обратила внимание на ту, что не видела прежде — с изображением женщины, сидящей в кафе поздним вечером, и подписью внизу: «Эдвард Хоппер, "Автомат"». Мэнди не сомневалась, что картина новая. Выполнена в темных тонах, зеленых да коричневых. В центре женщина в пальто и шляпке. Она сидит в одиночестве за столиком и попивает чай из чашки с блюдцем. Кафе выглядит умиротворенным. Свет горит, но на полу пролегают тени. Снаружи ночь,

глухая и черная; в отражении на стекле видны лишь лампы кафе.

— Флюорография в норме.

Эта женщина с картины словно была совершенно одна в целом мире. Лицо напряжено, взгляд уперт в чашку, но мысли явно где-то далеко. Интересно, что привело ее в это кафе? Одежда на ней теплая — значит, за окном зима. Пальто и шляпа старомодные, как и декор кафе. Почему эта женщина там сидит? Да еще в столь поздний час? Мэнди попыталась отыскать на картине чемодан, но не нашла.

И в этот момент она поняла, что доктор Шу-кла смотрит на нее.

— У тебя хорошее здоровье, Мэнди, хоть и выглядишь ты немного худой.

— У меня нет анорексии, если вы об этом.

Мэнди не намеревалась так грубить. Но она ела что хотела. Несколько лет назад она была слегка полноватой, и мама хмурилась каждый раз, как она тянулась за вторым кусочком пирога или за печеньем. Когда пропали Петра и Тина, ее мама решила, что Мэнди заедает горе. В те дни в доме появилось много книг о подсчете калорий и здоровой пище. Но примерно год назад Мэнди вдруг вытянулась, и лишний вес ушел сам собой. Теперь ее мама хмурилась, когда дочь оставляла недоеденной пасту или не хотела завтракать, и как бы напоказ принялась печь пироги и пудинги.

— Даже в мыслях не было, — улыбнулась доктор Шукла. — Просто зачастую аппетит является показателем общего состояния здоровья. Можешь еще раз описать симптомы?

Длинные волосы доктора Шуклы были завязаны и перекинута на одно плечо — висели, как конский хвост. Мэнди заметила на проборе несколько седых волосков.

— Ноги постоянно ноют, иногда возникает слабость и кажется, будто они меня не выдержат. Еще головные боли.

Доктор Шукла не стала записывать. Она поставила локти на стол и положила подбородок на сложенные руки. Ее глаза за стеклами очков были большими и темными, брови выведены карандашом в тонкую линию.

— Иногда мне кажется, что может начаться приступ астмы. Не хватает дыхания. Когда я ложусь спать, дыхание становится поверхностным. Такое ощущение, будто в легкие не поступает кислород.

Доктор Шукла глубоко вдохнула.

— Мэнди, дорогая, я не говорю, что с тобой все в порядке. Ясно, что это не так. Но эти симптомы также могут быть связаны с депрессией и тревожностью.

— Не в моем случае, — возразила Мэнди, улавливая в своем голосе нотки досады. — У меня нет депрессии. Знаю, в прошлом у меня были проблемы...

Девочки-мотыльки

Мэнди замолчала. Доктор Шукла взялась наводить порядок на столе. Сначала сложила в стопку отрывные блокнотики и стикеры. Затем положила параллельно две ручки. Она все обдумывала, время от времени поглядывая на монитор и тщательно взвешивая слова.

Мэнди знала это наверняка, уж слишком часто сидела на этом месте.

— Исчезли две двенадцатилетние девочки, твои подруги, — осторожно произнесла женщина. — Есть вероятность, что они обе убиты. Это трагедия. Самое страшное, что такое может случиться с любой семьей, с любым обществом, с любым человеком. Ты не пошла с ними, избежала такой же участи, вот это и сказалось на тебе. В моих записях есть тому подтверждение. Ты постоянно приходила ко мне с различными болезнями, и все они были вызваны переживаниями о случившемся с твоими подругами. И мне кажется, то же самое происходит и сейчас. С тех пор прошло почти пять лет, верно?

— Пять будет в конце октября.

— В годовщины сложнее всего. Осенние ночи, запахи фейерверков, Хеллоуин. Все это будет напоминать тебе о них. И может, даже в газетах что-то напишут. Пять лет — это своего рода рубеж.

Мэнди вспомнила тот дом. Представила, как он ждет в темноте, когда его снесут. Окна пусты, как глазницы. Из комнаты в комнату переползают темные тени. Завтра это будет всего лишь клочок земли, ожидающий новой застройки.

Мэнди вдруг захлестнули эмоции, и она уставилась на колени, запрещая себе плакать.

— Есть предложение, — деловито произнесла доктор Шукла. — К нам прибыл сотрудник — аспирантка, которая изучает, как тревожность и депрессия влияют на молодежь. Она надеется поработать с нашими пациентами, и мне кажется, ты для нее — идеальный вариант.

— Предлагаете помощь психотерапевта? Но я ходила на консультации в школе...

— Это другое. Теперь ты стала старше. Проблемы подростков твоего возраста больше похожи на депрессию и тревожность взрослых. По крайней мере, так считает эта молодая ученая. Думаю, тебе стоит встретиться с ней и посмотреть, сможет ли она помочь. А я между тем буду следить за твоим физическим здоровьем, и если показатели ухудшатся, немедленно отправлю тебя к специалисту.

Мэнди открыла рот, чтобы отказаться, но как-то замешкалась. Эта ученая была новенькой, не здешней.

— Как тебе?

— Хорошо.

— Тогда я расскажу ей о тебе, и она свяжется с тобой, чтобы назначить встречу.

Доктор Шукла начала увлеченно печатать, и Мэнди поняла, что прием окончен. Она пробормотала что-то незначительное, встала и направилась к выходу, по пути слыша, как доктор Шукла через интерком приглашает следующего пациента.

Мэнди поздно легла спать, гораздо позже мамы с папой. Дверь в их спальню закрылась сразу после десяти, тогда как Мэнди приготовила себе чай и отправилась с ним в комнату, чтобы посидеть в Фейсбуке. Там было много интересного. Томми участвовал в каких-то обсуждениях, и парочка знакомых ей девушек кокетливо ему отвечали. Ее лицо скривилось, и на секунду она задумалась, не присоединиться ли к ним. Но в итоге просто закрыла ноутбук. Затем подошла к кровати и села. У подушки стояла коробка с бусинами, которую она оставила там утром. Она достала тоненькую резинку и повыбирала из отделений целый ряд разноцветных бусинок.

Маме понравилось предложение доктора Шуклы о консультациях. Она вообще всегда радовалась, когда за Мэнди присматривал или лечил какой-то доктор.

Мэнди нанизала бусинки на резинку. Этот браслет будет нехитрым. Просто красочным пятном на ее запястье. Связал концы — и готово; и не нужно возиться с застежками, тем более в столь поздний час.

В голове всплыл образ доктора Шуклы, и девушка вспомнила все свои многолетние приемы. Сначала мама ходила с ней. Она садилась на стул пациента — Мэнди вставала рядышком — и заполняла собой каждый сантиметр кабинета. Мама подробно объясняла, о чем думала и что чувствовала дочь, а когда замолкала, доктор Шу-